

Ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии

УДК:339.9(100); ББК:65.012.3;

С711

DOI: 10.24412/2072-8042-2021-12-7-26

Андрей Николаевич СПАРТАК,

*член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки России,
Всероссийский научно-исследовательский конъюнктур-
ный институт (119285, Москва, ул. Пудовкина, 4) –
директор, Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А), кафедра между-
народной торговли и внешней торговли РФ –
зав. кафедрой, e-mail: Spartak@vniki.msk.ru,*

Юлия Борисовна КРАВЧЕНКО,

*Всероссийская академия внешней торговли (119285,
Москва, Воробьевское шоссе, 6А), кафедра международной
торговли и внешней торговли РФ – преподаватель,
e-mail: Julia_Kravchenko1994@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии. Установлено, что трансформации в мировой экономике и торговле, качественно меняющие сложившуюся глобальную экономическую систему, ее конфигурацию и отношения между участниками, ускорились. Выделены фундаментальные изменения в функционировании мировой экономики. Выявлено, что экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, повысил значение фактора неопределенности в глобальном и национальном развитии. В конце статьи делается вывод, что неопределенности и риски для глобального развития становятся главными факторами при принятии решений национальными правительствами и институтами глобального управления.

Ключевые слова: глобальный энергетический переход, природные и техногенные катастрофы, мегарегионализация, неопределенности и риски для глобального развития, пандемия коронавируса, протекционизм, трансформации в мировой экономике и торговле, цифровая торговля.

Key Global Economic Trends of the Current Decade

Andrey Nikolaevich SPARTAK,

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the RF, Russian Market Research Institute (VNIKI) (119285, Moscow, Pudovkina, 4) - Director, Russian Foreign Trade Academy, Department of International Trade and Foreign Trade of the RF – the Head, E-mail: Spartak@vniki.msk.ru,

Yulia Borisovna KRAVCHENKO,

Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Vorob`evskoe shosse, 6A), Department of International Trade and Foreign Trade of the RF – Lecturer, E-mail: Julia_Kravchenko1994@mail.ru

Abstract

The article considers key global economic trends of the current decade. It was found that transformations in the global economy and trade reshaping the existing global economic landscape, its configuration and relations between participants, have accelerated. Structural changes in the functioning of the global economy are highlighted. It is revealed that the economic crises provoked by the COVID-19 pandemic has increased the importance of the uncertainty factor that impacts domestic and global economic growth. It is concluded that uncertainties and risks for global growth are becoming the main factors in decision-making of national governments and institutions of global governance.

Keywords: global energy transition, natural and technological disasters, megaregionalization, uncertainties and risks for global growth, COVID-19 pandemic, protectionism, transformations in the global economy and trade, digital trade.

В новое десятилетие мировая экономика вступила уже с накопленным большим грузом проблем и рисков для дальнейшего развития, включая снижение динамики глобального ВВП (около 3,5% в 2012-2018 гг. и 2,8% в 2019 г.), замедление роста международной торговли по отношению к ВВП (до 0,9% в 2019 г., что вдвое ниже прироста ВВП за тот же год), падение интенсивности прямых иностранных инвестиций относительно ВВП, уменьшение роли глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС) как драйверов торговых потоков, эскалацию торгово-экономического протекционизма и торговых войн, критическое обострение многих глобальных проблем – климатической, экологической, продовольственной, др.¹ За предшествующее десятилетие сильно ухудшилось состояние мировых финансов, усилилась нестабильность на фондовом и валютном рынках, высокую остроту приобрела проблема значительно возросшей суверенной и корпоративной задолженности многих ведущих экономик. Существенно усилилась волатильность на стратегических товарных рынках, амплитуда ценовых колебаний резко увеличилась, а предсказательные возможности в этой области снизились. Перечень болезненных точек глобального развития, конечно, намного шире, но вышеперечисленного уже достаточно, чтобы констатировать: современный уровень рисков во внешнем контуре российской экономики является беспрецедентно высоким для всего периода, прошедшего после распада СССР.

Анализ мирохозяйственных трендов и процессов в начале текущего десятилетия свидетельствует об ускорении трансформаций в мировой экономике и торговле, качественно меняющих сложившуюся глобальную экономическую систему, ее конфигурацию и отношения между участниками. Совокупность происходящих фундаментальных изменений в функционировании мировой экономики в том числе включает:

- трансформации, вызванные либо ускоренные пандемией COVID-19, приведшие к резкому усилению неопределенности в глобальном и национальном развитии, перестроению международного бизнеса и торговли;

- трансформации, обусловленные структурно-технологическими сдвигами в мировом хозяйстве под влиянием цифровизации и распространения технологий четвертой промышленной революции, меняющие традиционные парадигмы производства и торговли;

- трансформации, связанные с перераспределением мирового экономического потенциала в пользу ведущих развивающихся государств с соответствующими последствиями для геоэкономики и геополитики;

- трансформации, вызванные дальнейшим распространением ограничений и барьеров в международной торговле, появлением их новых видов и гибридных форм, растущей политизацией международных экономических отношений на фоне снижения дееспособности ВТО как института глобального управления;

- трансформации вследствие переконfigurирования мирового торгово-политического ландшафта через создание мегарегиональных торговых блоков с перспективой выработки новых международных стандартов торгового регулирования;

- трансформации, обусловленные переходом концептов устойчивого, низкоуглеродного и инклюзивного развития в плоскость международно-правового регулирования, регламентирования, обязательных требований и отчетности;

- трансформации в связи с количественным и качественным ростом участия физических лиц, домашних хозяйств в экономике и торговле, в том числе в международном бизнесе, что требует перестройки регуляторных систем и механизмов экономической политики;

- трансформации по причине ожидаемого роста частоты и интенсивности природных катастроф, а также катастроф, вызванных деятельностью человека, требующие соответствующей адаптации социально-экономических систем и механизмов.

Пандемия новой коронавирусной инфекции привела к реализации шокового сценария для мировой экономики в 2020 г. с чувствительными негативными среднесрочными последствиями для большинства стран. Глобальный ВВП сократился в 2020 г. на 3,1%, по развитым экономикам падение составило 4,5% (в том числе для Еврозоны – минус 6,3%), для развивающихся стран – минус 2,1% (заметно лучше, чем в развитом мире, за счет роста ВВП в Китае – на 2,3%).² Международная торговля товарами и услугами в реальном выражении уменьшилась на 8,2% (на 12,0% по стоимости), то есть снизилась существенно больше, чем ВВП.³ В условиях пандемии и спада деловой активности обвалились котировки нефти – в среднем почти на треть к уровню 2019 г.⁴

Экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, резко повысил значение фактора неопределенности в глобальном и национальном развитии. Это в том числе означает, при наличии множества потенциальных рисков для развития, существенное увеличение вероятности реализации в течение ближайших лет новых масштабных угроз – «черных лебедей» для устойчивого функционирования экономики и общества.

Неопределенность глобальной экономической ситуации усиливается в связи с неуверенностью относительно новых волн пандемии и их последствий для мирового хозяйства. В последнее время пессимизма в прогнозы международных организаций добавляет распространение омикрон-штамма коронавируса и его разновидностей. Более поздние, чем у МВФ, прогнозы ОЭСР и Европейской комиссии дают более осторожные оценки по росту ВВП (см. таблицу 1).

Таблица 1

Скорректированные прогнозы темпов прироста мирового реального ВВП

(изменения в % к предыдущему году)

Месяц и год выхода в свет прогноза	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
<i>МВФ</i>				
Октябрь 2020 г.	-4,4	5,2	4,2	3,8
Апрель 2021 г.	-3,2	6,0	4,4	3,5
Июль 2021 г.	-3,2	6,0	4,9	3,6
Октябрь 2021 г.	-3,1	5,9	4,9	3,6
<i>ОЭСР</i>				
Декабрь 2020 г.	-4,2	4,2	3,7	н/д
Май 2021 г.	-3,5	5,8	4,4	н/д
Сентябрь 2021 г.	-3,4	5,7	4,5	н/д
Декабрь 2021 г.	-3,4	5,6	4,5	3,2
<i>Европейская комиссия</i>				
Ноябрь 2020 г.	-4,3	4,6	3,6	н/д
Май 2021 г.	-3,4	5,6	4,3	н/д
Ноябрь 2021 г.	-3,4	5,7	4,5	3,5

Источник: составлено авторами на основе данных МВФ, ОЭСР и Европейской комиссии.

Пандемия COVID-19 уже привела к переформатированию ГЦДС, ускорила процессы их регионализации и территориальной концентрации, а также «дематериализации» (когда производство и физические поставки играют все меньшую роль по сравнению с предоставлением услуг, нематериальных активов, обменом данными).⁵ Все это не может не сказаться на параметрах международной торговли, причем уже в среднесрочной перспективе. Под воздействием пандемии видоизменились и стратегии управления цепочками поставок со смещением акцента с принципа «точно в срок» (just in time) на гарантирование поставок через создание складских запасов частей и компонентов в местах основного потребления (принцип «на всякий случай» – just in case).⁶

В условиях устойчивого и повсеместного социального дистанцирования, частого периодического закрытия национальных границ возникают риски для бесперебойного функционирования большинства традиционных форм и сегментов торговли. Одновременно пандемия мощно стимулирует внедрение цифровых ре-

шений во все сферы жизни, в том числе в международную коммерцию. Формируются цифровые механизмы, платформы для содействия трансграничному бизнесу в изменившихся условиях, быстро растут обороты цифровой торговли (торговли оцифрованными товарами и услугами, данными).

Дальнейшему расширению цифровой торговли в современном мире нет альтернативы, и это ставит непростую задачу для регуляторов, как обеспечить интересы всех стейкхолдеров в этом процессе (государства, поставщиков и потребителей цифрового контента). Излишне обременительные административные и регуляторные требования, фискальная нагрузка создают риски массового ухода «в тень» цифрового бизнеса, что может быть особенно чувствительно для России, обладающей высокими компетенциями в самых различных сегментах цифровой торговли (поставки программного обеспечения, медийного и образовательного контента, услуг в области информационных технологий, инжиниринга, технических, консалтинговых, управленческих и иных услуг). Что также важно, цифровой бизнес более демократичен и доступен максимально широкому кругу предпринимателей, физических лиц и домохозяйств, и в нем работает, прежде всего, человеческий капитал (чем сильна Россия), а не физический капитал.

В пандемию, как показывает статистика, на фоне общего спада международной торговли выросли поставки сельскохозяйственной продукции (почти на 1,0%); многих видов электронных изделий, офисного и телекоммуникационного оборудования (почти на 4,0%); текстильных изделий, благодаря повышенному спросу на средства индивидуальной защиты (на 16,0%); медицинских товаров, включая материалы, оборудование, медикаменты (на 16,3%).⁷ Во многих странах отмечался кратный рост спроса на лекарства. Более широкая статистика торговли свидетельствует о повышении спроса на товары, обеспечивающие порожденную карантинном и изоляцией “stay-at-home” эконому (разнообразная домашняя утварь, бытовая химия, средства гигиены, спортивные товары, игрушки, др.). Указанные тенденции спроса отражают как пандемическую реальность, так и пессимистические ожидания на стороне потребления в условиях крайней неопределенности.

Торговля услугами оказалась значительно более чувствительна к пандемии COVID-19, чем обмен товарами, падение ее объемов в 2020 г. было в 2,6 раза сильнее, нежели в товарном сегменте.⁸ В наибольшей степени из-за ковидных ограничений сократились обороты по статье «поездки», включая туризм и связанные с ним услуги, – в 2,7 раза в 2020 г. к 2019 г.⁹ Из-за резкого снижения спроса на пассажироперевозки заметно упала торговля транспортными услугами, а совокупная доля транспорта и поездок в общем обороте услуг уменьшилась до 31,0% в 2020 г. (для России – на 13,0%), против 43,0% в 2019 г.¹⁰ По причине спада деловой активности глобальный экспорт строительных услуг снизился на 18,0%.¹¹ В свою очередь, вполне ожидаемо продолжился рост торговли компьютерными услугами – на 8,0% в 2020 г., стимулируемый расширением дистанционных форматов работы (удаленной занятости и дальнейшим прогрессом цифровизации).¹²

Порожденные пандемией нарушения в цепочках поставок, рыночные искажения еще долгое время будут сказываться на производстве, ценах и издержках торговли. Будут отмечаться кризисные явления на рынках отдельных товаров по причине сбоя со стороны предложения, например, недозагрузка мощностей автомобильной отрасли из-за перебоев в работе электронной промышленности, спад выпуска азотных удобрений из-за кризисной нехватки предложения на рынке газа, что может привести к недопроизводству кормового зерна и – далее по производственной цепочке – к снижению производства мясо-молочной продукции.

Огромная ликвидность, выведенная на рынки для поддержки национальных экономик в период пандемии, в фазе восстановительного роста стимулировала запуск нового товарного цикла с перспективой устойчивого превышения допандемийных ценовых уровней, но с невысокой и даже слабовыраженной отрицательной динамикой после значительного роста котировок в 2021-2022 гг. В перспективе до 2035 г. Всемирный банк прогнозирует сохранение активного спроса и в среднем высокого уровня цен на углеводороды (на фоне стабильных фундаментальных факторов и вопреки декларируемым шагам в направлении зеленого энергоперехода), продовольствие (особенно на растительные масла), драгоценные и цветные металлы (прежде всего на те из них, которые участвуют в развитии цифровой экономики и зеленой энергетики) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Долгосрочный прогноз динамики индексов номинальных цен на мировых товарных рынках

	2019	2020	2021*	2022*	2023*	2024*	2025*	2030*	2035*
<i>Индексы номинальных цен на мировых товарных рынках (в долл. США, 2010=100)</i>									
Энергоносители	75,9	51,9	95,2	97,3	84,3	84,4	84,6	85,4	86,6
Неэнергетические товары	81,7	84,1	110,2	107,6	103,8	101,8	102,4	106,2	110,4
Продукция АПК	83,3	87,1	106,3	104,8	104,1	105,1	106,1	111,2	116,7
Продовольствие	87,0	92,5	118,5	116,3	115,0	115,9	116,9	122,0	127,3
Растительные масла	77,5	89,8	125,7	126,1	121,5	122,5	123,5	128,8	134,3
Зерновые	89,0	93,1	114,6	105,1	107,3	108,5	109,8	116,2	123,0
Удобрения	81,4	73,2	116,1	123,7	99,9	92,6	91,5	99,8	108,9
Базовые цветные металлы	81,6	80,2	118,6	116,9	108,5	102,5	102,9	105,1	107,5
Драгоценные металлы	105,4	133,5	140,2	136,5	134,9	133,8	132,8	127,7	123,0

Примечание: * – прогноз.

Источник: Commodity Markets Outlook, October 2021, Data Supplement, Forecasts [Electronic resource] – The World Bank, 2022 URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36350/CMO-October-2021-data-supplement.zip> (date of application 17.01.2022).

При достаточно высоких уровнях цен новый товарный цикл будет характеризоваться еще большей, чем ранее, частотой и размахом колебаний конъюнктуры и цен. МВФ, например, прогнозирует чрезвычайно широкий диапазон нефтяных котировок вплоть до середины текущего десятилетия (среднегодовая цена Brent 60,0-74,0 долл. США/барр. на 2024 г.). В отличие от доковидного периода бурные, часто внезапные, изменения конъюнктуры стали характеризовать не только рынки традиционно «неспокойных» товаров (нефть и производные, многие цветные и драгметаллы, отдельные виды базового продовольствия), но и товары с обычно мягкими переменами конъюнктуры (например, химия средней степени переработки, изделия из черных и цветных металлов, одежда, обувь, др.).

Перебои в поставках товаров из-за пандемии привели к разбалансировке рынка контейнерных услуг, вызвали дефицит контейнеров на стадии восстановления экономики и торговли, задержки и простои судов в портах и, в конечном итоге, повышение ставок фрахтового рынка (на некоторых направлениях в 3,0-4,0 раза). В ежегодном обзоре состояния морского транспорта ЮНКТАД отмечается, что при продолжении сбоев в цепочках поставок и сохранении наблюдаемого роста тарифов на контейнерные перевозки морским транспортом к 2023 г. мировые цены на импорт в среднем по миру могут вырасти на 10,6%.¹³ Такое увеличение импортных цен в результате роста фрахтовых ставок, по мнению составителей доклада, может привести в США и странах Еврозоны к совокупному сокращению промышленного производства примерно на 1,0%.¹⁴ Негативные последствия сильного удорожания фрахта будут значительно масштабнее для малых островных экономик и наименее развитых государств. Ряд экспертов считают, что в целом в ближайшие 10 лет ставки фрахта будут существенно выше, чем в среднем за последние 20 лет.

Пандемия COVID-19 – это новейший, но пока еще очень недолго существующий фактор мирового развития. На этом фоне структурно-технологические сдвиги в мировом хозяйстве под влиянием цифровизации и распространения технологий четвертой промышленной революции являются уже достаточно укоренившимся фактором, определяющим современные особенности и перспективы глобальной экономики. Совместное действие этих факторов сильно ускоряет трансформационные процессы, а значит – и усиливает турбулентность и неопределенности в развитии мировой экономики и торговли. Традиционные модели ведения бизнеса утрачивают эффективность или становятся просто невозможными, а освоение новых моделей требует времени и сопровождается рисками более высокого уровня, чем традиционные стартапы.

Новые цифровые и промышленные технологии позволяют приобщить к международному бизнесу огромное число предпринимателей, в том числе из самых удаленных регионов мира; отделить труд/компетенции от непосредственного производства; максимально кастомизировать производство и приблизить его к потребителю через развитие сетей распределенного производства; изменить базовые парадигмы конкурентоспособности, минимизировав роль экономии на масштабе,

факторов расстояния и транзакционных издержек. В таких условиях завершающие стадии ГЦДС будут концентрироваться в центрах потребления, а не локализациях с доступом к дешевым факторам производства. Соответственно можно ожидать сокращения дальнемагистральной/трансконтинентальной торговли и повышения роли региональной и локальной торговли. Все указанные сдвиги в сегодняшней ситуации имеют тенденцию к ускорению, а потому будут усиливать риски и неопределенности в функционировании международной торгово-экономической системы, в том числе для внешнеэкономических связей России.

Для понимания глубины происходящих трансформаций рассмотрим сектор услуг. Здесь наиболее очевидна тенденция быстрого ухода многих видов деловых, профессиональных, технических, персональных и иных услуг в цифровую сферу при посредстве глобальных онлайн-платформ; за счет этого расширяется круг торгуемых услуг и все более стираются границы между внутренней и трансграничной торговлей, реализуемой в не имеющих юрисдикции облачных сервисах.

Опережающими темпами растет трансграничная торговля услугами (первый способ поставки), что является следствием действия одновременно цифрового/технологического и пандемического факторов. При этом резко сократились поставки услуг вторым и четвертым способами, предполагающими перемещение физических лиц (в данном случае, прежде всего, из-за пандемии, но также вследствие цифровой трансформации). В противовес учреждению физического коммерческого присутствия на внешних рынках (третий способ поставки услуг) расширяется практика налаживания виртуального коммерческого присутствия для продвижения в цифровых форматах различных видов интеллектуальных, деловых и профессиональных услуг.

Международные эксперты предсказывают дальнейшее перераспределение экономического потенциала в пользу развивающихся стран, хотя разрыв между ними и развитыми государствами в темпах прироста ВВП будет постепенно сокращаться из-за сближения показателей динамики производительности труда и замедления роста населения в развивающемся мире.

Согласно октябрьскому 2021 г. прогнозу ОЭСР, в 2019-2035 гг. среднегодовые темпы прироста семерки восходящих экономик (E7) – Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Мексики, России и Турции – составят 3,9% против 1,3% для семерки развитых стран (G7): Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии.¹⁵ Размер совокупного ВВП E7 к 2035 г. в 1,8 раза превзойдет ВВП G7.¹⁶ Соответственно восходящие экономики увеличат свою долю в мировом ВВП с 44,7% в 2019 г. до 54,1% в 2035 г., тогда как доля G7 за аналогичный период, напротив, сократится с 37,7% до 30,5%.¹⁷ Китай будет уверенно сохранять экономическое лидерство на протяжении всего рассматриваемого периода.

Значительные трансформации претерпевает система регулирования международной торговли, экономических отношений между странами, происходит дальнейшее повышение интенсивности торговых ограничений, а также смещение

акцентов на политическое давление, силовые методы в этой области при снижении роли правовой системы ВТО. Пандемия еще более усложнила конкурентную картину мира, относительно ослабила позиции развитых стран, которые декларируют свое стремление усилить борьбу с нерыночными торговыми практиками (и на практике это делают), используют санкционные и иные политико-силовые механизмы для сдерживания международной коммерческой деятельности конкурентов.¹⁸

Число инициированных членами ВТО антидемпинговых расследований достигло в пандемийном 2020 г. 355, что стало фактически пиковым значением за весь период существования ВТО (больше расследований было только в 2001 г. – 372 и 1999 – 357) и в 1,7 раза превзошло уровни 2018-2019 гг., когда произошел резкий всплеск торговых ограничений, инициированных администрацией Дональда Трампа.¹⁹ Число проводимых компенсационных расследований, по данным ВТО, достигло в 2020 г. максимума за период после создания организации – 56.²⁰ Общее число возбужденных в отношении Китая в 2020 г. антидемпинговых и компенсационных расследований приблизилось к 110, что лишь немного уступало пику 2016 г.²¹ В свою очередь, США в пандемийном 2020 г. резко нарастили интенсивность применения мер торговой защиты в отношении иностранных поставщиков – 119 антидемпинговых и компенсационных расследований, что намного больше показателей предшествующих лет, в том числе превышает уровни 2018-2019 гг. в 2,1-2,4 раза.²² В 2020 г. членами ВТО на рассмотрение Комитета по техническим барьерам в торговле (ТБТ) было вынесено рекордное число новых случаев применения ТБТ, вызывающих озабоченность у участников.²³

Порожденная пандемией разбалансировка внутренних рынков и последовавший в 2021 г. рост спроса и цен на товарных рынках вынудили ряд стран прибегнуть к временным ограничениям экспорта отдельных товаров, прежде всего продовольствия (Вьетнам, Россия и др.).

Периодически лихорадят и, по-видимому, будут еще более лихорадить международную торговлю действия богатых ресурсами развивающихся стран по приостановке и запрету экспортных поставок различных видов сырья в целях привлечения инвестиций в его переработку и улучшения баланса внешних расчетов. Так, в конце ноября 2021 г. появились сообщения, что Индонезия может приостановить экспорт олова с 2024 г., а еще раньше запретить экспорт бокситов (с 2022 г.) и медной руды (с 2023 г.).²⁴

Применение санкционного инструментария стало уже перманентной составляющей международной политики, причем декларируемые политические мотивы введения санкций все чаще прикрывают стремление коллективного Запада сдерживать экономическое развитие конкурентов. Вводимые западными странами односторонние санкции экономического характера действуют в качестве катализатора протекционизма в международной торговле. Это хорошо видно на примере России, которая в ответ на западные санкции ввела контрсанкции и развернула мас-

штабные программы импортозамещения. Такие действия, в свою очередь, вызвали острое недовольство в США и ЕС, а в конце 2021 г. Евросоюз обратился с жалобой в ВТО в связи с серьезным ущемлением интересов европейских компаний при продаже товаров и услуг российским госпредприятиям в рамках тендерных процедур. Но все это напрямую вытекает из введенных Западом антироссийских санкций, поставивших под угрозу поставки высокотехнологичной импортной комплектации и материалов и соответственно вызвавших необходимость разработки и серийного производства их отечественных аналогов. Китай в ответ на жесткую ограничительную деловую практику со стороны США и ряда европейских стран в сфере высоких технологий провозгласил политику достижения технологической самодостаточности, что может стать сильным сдерживающим фактором для развития крупного сегмента международной торговли.

Политики и эксперты считают, что различные санкционные режимы приобрели высокую степень устойчивости и продлятся неопределенно долгое время, поскольку сами санкции предусмотрены во многих законодательных, правовых документах западных стран.²⁵ В сложившейся ситуации Российский совет по международным делам (РСМД) полагает необходимым «развивать международную координацию по вопросу адаптации к риску санкций. Прежде всего, необходимо развитие диалога и общих практик по данному вопросу между Россией и КНР. С учетом расширяющейся практики санкций со стороны США, ЕС, Великобритании и ряда других стран целесообразна политическая и техническая проработка вопроса о единой платежной системе в форматах ЕАЭС и ШОС».²⁶

Период пандемии хронологически совпал с усилением тенденции к мегарегионализации в торговой политике.

Важнейшим событием в этом контексте стало подписание 15 ноября 2020 г. Соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) десятью странами АСЕАН, Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией. По доле в мировом ВВП, глобальной торговле и инвестиционных потоках ВРЭП опережает другие крупнейшие торговые соглашения. Соглашение о ВРЭП затрагивает либерализацию торговли 92,0% товарных позиций и 65,0% видов услуг, но в большей степени выступает инструментом унификации существующих между его участниками договоренностей, регулирующих такие сферы, как электронная коммерция, конкурентная политика и защита интеллектуальной собственности.²⁷ Большой положительный эффект на торговлю в рамках ВРЭП окажут единые правила определения происхождения товаров. Фактически данное соглашение, содержащее нормы ВТО+ и ВТО-Х, представляет собой компромисс между развитыми и крупнейшими развивающимися государствами по особо чувствительным аспектам отношений, в частности, вопросам либерализации доступа на рынки услуг.

Двумя годами ранее, 30 декабря 2018 г. вступило в силу Соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП) с участием 11 государств АТР. В нем предполагалось также участие США, но при администрации Дональда Трампа США вышли из данного соглашения. В свою очередь Китай, не являющийся подписантом ВПТТП, заявил о готовности стать участником соглашения, что в случае реализации этого намерения сделает КНР центром интеграционных построений в АТР. США после очень высокой торгово-политической активности при Бараке Обаме пока держат некоторую паузу, но очевидно, что это временно, усиление борьбы за сферы влияния неизбежно вернет страну на путь торгово-политической экспансии и новых союзов.

Важным событием в подтверждение тенденции к усилению мегарегионализации стало подписание в марте 2018 г. и вступление в силу 30 мая 2019 г. рамочного Соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли (АКЗСТ). На конец 2021 г. Соглашение подписали 54 страны (из 55 членов Африканского союза) и 36 из них его ратифицировали. К концу 2021 г. были в основном завершены переговоры по обязательствам первой фазы учреждения АКЗСТ (протоколы по торговле товарами, услугами, по разрешению споров) и велись переговоры по обязательствам второй фазы (протоколы по конкурентной политике, по инвестициям и правам интеллектуальной собственности). На сегодняшний день АКЗСТ – крупнейший торговый блок по числу участников и первое в мире экономическое объединение в масштабах целого континента. Хотя, конечно, до начала полноценного функционирования АКЗСТ, по-видимому, пройдет еще немало времени.

Среди прочих характеристик процесс мегарегионализации представляет собой попытку упорядочения торгово-экономических отношений между странами в крупных экономических регионах, повышения устойчивости цепочек поставок в условиях многочисленных сбоях в функционировании международной торговой системы и роста глобальной неопределенности. При этом очевидно, что страны, не участвующие в мегарегиональных интеграционных построениях, оказываются в положении существенно менее благоприятном с точки зрения доступа и деятельности на рынках таких объединений, чем их участники.

Сегодня по инициативе развитых стран, прежде всего ЕС, и при участии ОЭСР активно формируются международно-правовое регулирование и обязательные требования для обеспечения соответствия деятельности стран и компаний критериям устойчивого, низкоуглеродного и инклюзивного развития. Если раньше речь шла в основном об индикативных ориентирах, то сейчас широко внедряются разработанные ОЭСР стандарты ответственного ведения бизнеса для секторов экономики и отдельных видов деятельности; развивается регулирование в сфере обязательной должной осмотрительности материнских компаний в отношении соблюдения прав человека дочерними предприятиями за рубежом; вводятся требования обя-

зательной нефинансовой отчетности для публичных компаний и ее включения в их годовые отчеты (так называемые стандарты комплаенса ESG – Environmental, Social and Governance); устанавливаются специальные требования обеспечения экологической устойчивости к участникам финансовых и инвестиционных рынков за счет имплементации стандартов комплаенса ESG в их деятельности, используемых инструментах и реализуемых проектах.

Наибольший резонанс в мире, в том числе в России, в последнее время получило введение Евросоюзом сбора на трансграничный перенос углерода: с 2023 г. в режиме технического тестирования процедуры, а с 2026 г. с фактической уплатой сбора. Предлагаемый Carbon Border Adjustment Mechanism первоначально будет введен для секторов с повышенным трансграничным переносом углерода (включая электроэнергетику, производство удобрений, цемента, железа и стали, алюминия).²⁸ После 2026 г. возможно включение в сферу углеродного регулирования импорта косвенных выбросов парниковых газов (ПГ), когда электроэнергия, пар и тепло используются в производственных процессах, а также, когда речь идет о сложных продуктах, содержащих выбросы ПГ в составе сырья и материалов. Размер сбора, уплачиваемого импортером, зависит от объема выбросов ПГ, рассчитываемых определенными в соответствующем Регламенте способами, и цены на эмиссии ПГ, которая сейчас составляет около 50,0-55,0 евро за тонну CO₂ и прогнозируется аналитиками Bloomberg NEF на уровне 100,0 евро за тонну к 2030 г.²⁹ При этом величина сбора для импортеров может быть уменьшена на сумму углеродного налога, уплаченного продавцом в стране-экспортере.³⁰ 18 июня 2021 г. Европарламент и Совет ЕС одобрили принятие регламента о так называемой зеленой таксономии ЕС (Taxonomy Regulation), вводящей детализированную классификацию и стандартизацию промышленного оборудования и технологий по критерию удельной углеродоемкости. В рамках глобальной кампании по продвижению стандартов комплаенса ESG к 2025 г. предполагается введение обязательного стандарта раскрытия корпоративной информации по эмиссии парниковых газов.

Принимаемые и ожидаемые к принятию в скором будущем межгосударственными и национальными регуляторами, ведущими глобальными инвесторами новые стандарты комплаенса реализуются под эгидой достижения целей устойчивого развития ООН и на практике будут способствовать выравниванию условий конкуренции для производителей, инвесторов и финансовых институтов в развитых и развивающихся странах. С приходом к власти в США Джозефа Байдена, демонстрирующего приверженность климатической повестке и в целом повестке устойчивого развития, конкурентные аспекты новых стандартов комплаенса могут усилиться. По мнению заместителя директора ИМЭМО РАН Жукова С.В., инициированная Евросоюзом де факто интернационализация процесса перераспределения потока прибыли в пользу производителей и секторов со сравнительно низкими

выбросами углерода в ущерб производителям и секторам с повышенными его выбросами, вероятно, наложит дополнительные ограничения на модели экономического роста за счет экспорта углеводородного сырья и энергоемких промышленных полуфабрикатов.³¹

Все более значимым вызовом для сложившихся социально-экономических систем становится растущее участие физических лиц, домохозяйств в различных видах экономической активности, в том числе в трансграничной коммерции. Это стало возможно благодаря широкому распространению и постоянному совершенствованию цифровых технологий, обеспечивающих непосредственное, эффективное включение физических лиц в коммерческую деятельность.

Быстрое увеличение в мире количества самозанятых тесно связано с ростом числа цифровых онлайн-платформ, в том числе оперирующих на глобальном рынке: со 142 в 2010 г. до 777 в 2020 г., то есть более чем в 5,0 раз.³² Почти половина таких платформ (49,3%) работают в сфере доставки, чему способствовали условия пандемии; 36,4% обеспечивают выполнение работ онлайн (фрилансеры, программисты и пр.); 13,6% выступают операторами услуг такси.³³ По данным опроса НИУ ВШЭ 2021 г., к 2030 г. в России в платформенной занятости будет от 6,0-8,0 до 15,0 млн человек, тогда как в настоящее время, согласно оценкам Минтруда, около 2,4 млн человек.³⁴

Помимо мощного стимула для расширения прямого участия физических лиц в коммерческой деятельности, эксперты отмечают, что «в перспективе возникновение «платформенной экономики» ... может иметь важные последствия для международного сотрудничества и глобального управления».³⁵ В том числе платформенные технологии позволят подключиться к действующим ГЦДС и создать собственные цепочки большому числу малых и микропредприятий в сфере услуг, и это уже породит новые модели функционирования цепочек.

Не менее значимые трансформации происходят на финансовом рынке, ведущие к экспоненциальному росту числа розничных инвесторов, измеряемого сегодня сотнями миллионов человек. В основе этого явления – антикризисная финансовая накачка мировой экономики, падение доходности по консервативным финансовым инструментам, сокращение расходов населения в условиях пандемии, растущие заработки на фондовом рынке и широкие возможности участия розничных инвесторов в операциях с ценными бумагами благодаря современным цифровым технологиям и социальным сетям, формирующим инвестиционные мотивации и поведение. По мнению заместителя директора ИМЭМО РАН Миловидова В.Д., в настоящее время формируется новая модель финансового рынка, предполагающая существенное усложнение мотивационных факторов, которые движут его участниками. Рынок становится в гораздо большей степени непредсказуемым, иррациональным, эмоциональным. Все в большей степени он строится по принципу соци-

альной сети, поведение участников которой уже не определяется исключительно экономическими факторами. В результате информация, которая лежит в основе действий рыночных субъектов, наполняется качественно новыми внеэкономическими элементами: чувствами, эмоциями.³⁶

В последние годы много написано и сказано про начавшийся и набирающий темпы энергопереход, ведущие международные организации и исследовательские центры разработали сценарии декарбонизации мировой экономики, крупнейшие страны уже заявили о планах достижения углеродной нейтральности к середине текущего столетия или немного позднее. На наш взгляд, не менее актуальной и масштабной темой для научно-практического обсуждения является наметившийся переход всей экономической системы в новое состояние: меняется конфигурация системы – в ней качественно повышается роль физических лиц, домохозяйств со всеми вытекающими из этого изменениями в количественных, функциональных параметрах системы, а также претерпевают трансформации отношения между элементами системы, где традиционные рыночные законы и категории уже в меньшей степени влияют на поведение участников системы, нежели факторы, связанные с развитием сетевого общества и социальных сетей, эмоционального и социального интеллекта, ростом внимания к социальной ответственности, усилением платформенно-сетевых эффектов для общественного развития и внеэкономических мотиваций в процессе потребления (особенно среди молодежи). Происходящие трансформации экономической системы ставят перед правительствами и институтами глобального управления задачи быстрой и эффективной адаптации к новым реалиям, гибкой настройки регуляторных механизмов с учетом меняющихся координат социально-экономического развития.

Значительные вызовы и риски для дальнейшего развития связаны с ожидаемым ростом частоты и интенсивности природных катастроф, а также катастроф, вызванных деятельностью человека. Нарастающие климатические изменения ведут к увеличению числа чрезвычайных погодных явлений – засух, наводнений, циклонов, а наступление человека на среду обитания животных может провоцировать распространение зоонозных заболеваний, в том числе пандемического характера. При этом в условиях множественности чрезвычайных ситуаций подобные события могут накладываться друг на друга и порождать каскад разрушительных последствий для окружающей среды, экономики и общества.

По информации международной базы данных катастроф, в период 1980-2020 гг. в результате землетрясений погибли 884,7 тыс. человек, произошло более 4,8 тыс. наводнений, затронувших свыше 3,5 млрд. человек.³⁷ Общий экономический ущерб, вызванный природными катастрофами между 1980 и 2020 гг., достиг 3,6 трлн долл. США.³⁸

В последнем докладе ВТО о развитии международной торговли обсуждаются возможные пути реагирования мирового сообщества на вероятные в будущем многочисленные шоки по типу спровоцированных пандемией COVID-19.³⁹ Быстрое

распространение новой коронавирусной инфекции привело к самой глубокой мировой экономической рецессии со времен Второй мировой войны, вызвало беспрецедентные нарушения в функционировании глобальных цепочек поставок и торговых связей между странами. В связи с такой ситуацией в докладе ВТО поднимается вопрос о подходах и механизмах обеспечения глобальной экономической устойчивости (Economic Resilience) к будущим шокам. По мнению авторов доклада, нужны дальнейшие усилия по сохранению открытой международной торговой системы, и это может быть лучше с позиций экономической устойчивости, чем политика решоринга, продвижения самообеспеченности и избирательной торговой интеграции. Акцентируется внимание на необходимости последовательной диверсификации торговых связей и укрепления международного сотрудничества по торгово-экономической повестке.

Все вышесказанное свидетельствует о происходящих и грядущих в недалеком будущем фундаментальных изменениях мирового экономического порядка. Трансформационные процессы в мировой экономике и международной торговле пока не поддаются однозначной расшифровке, но очевидно, что на стадии перехода резко возрастают неопределенности и риски для глобального развития. Они становятся главными факторами при принятии решений национальными правительствами и институтами глобального управления, а потому научная дискуссия по содержанию, вызовам и рискам современных трансформаций представляет особый интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ World Economic Outlook Database: October 2021 [Electronic resource] – IMF, 2022 URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (date of application 17.01.2022).

² World Economic Outlook, October 2021: Recovery during a Pandemic – Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures – Washington, DC: IMF, 2021. – P. 5.

³ Ibid.

World Trade Statistical Review 2021 – Geneva: WTO, 2021. – P. 11.

⁴ World Economic Outlook, October 2021: Recovery during a Pandemic – Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures – Washington, DC: IMF, 2021. – P. 5.

⁵ Global Value Chain Development Report 2021: Beyond Production – Geneva: WTO, 2021. – P. XX.

⁶ Daniels Br., Lund S., Malik Y., Shao E. CEO Dialogue: Perspectives on Reimagining Industrial Supply Chains [Electronic resource] // McKinsey & Company. – 20.01.2021 URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/ceo-dialogue-perspectives-on-reimagining-industrial-supply-chains> (date of application 17.01.2022).

- ⁷ World Trade Statistical Review 2021 – Geneva: WTO, 2021. – PP. 12-13.
- ⁸ World Trade Statistical Review 2021 – Geneva: WTO, 2021. – P. 10.
- ⁹ Ibid, p. 11.
- ¹⁰ Ibid, p. 16.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Обзор морского транспорта, 2021 г. (общий обзор) – Женева: ЮНКТАД, 2021. – С. 11.
- ¹⁴ Там же, с. 12.
- ¹⁵ Economic Outlook No 109 – October 2021 – Long-Term Baseline Projections [Electronic resource] – OECD, 2022 URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EO109_LTB (date of application 17.01.2022).
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Joint Statement by the Trade Ministers of the United States, Japan, and the European Union [Electronic resource] // European Commission. – 17.11.2021 URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2319> (date of application 17.01.2022).
- ¹⁹ Anti-Dumping Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).
- ²⁰ Countervailing Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/CV_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).
- ²¹ Anti-Dumping Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).
- Countervailing Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/CV_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).
- ²² Anti-Dumping Initiations by Reporting Member [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByRepMem.pdf (date of application 17.01.2022).
- Countervailing Initiations by Reporting Member [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/CV_InitiationsByRepMem.pdf (date of application 17.01.2022).
- ²³ Technical Barriers to Trade Agreement: 10 Key Results from 2020 – Geneva: WTO, 2021. – P. 11.
- ²⁴ Indonesia May Stop Tin Exports in 2024, President Says // Reuters. – 24.11.2021.
- ²⁵ Петров Г. Россию готовят к вечным санкциям Запада // Независимая газета. – 07.06.2021.
- ²⁶ Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 / Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2021. – С. 21.
- ²⁷ Барский К.М., Красильников С.Р., Михневич С.В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнерства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 18.10.2021 URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32158> (дата обращения 17.01.2022).

²⁸ 14 июля 2021 г. Еврокомиссия в рамках пакета климатических мер “Fit for 55” опубликовала предложения по введению так называемого Carbon Border Adjustment Mechanism (механизма пограничной углеродной корректировки).

Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism [Electronic resource] // European commission. – 14.07.2021 URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/carbon_border_adjustment_mechanism_0.pdf (date of application 17.01.2022).

²⁹ Bullard N. The EU’s Carbon Market Is About to Enter Its Turbulent 20s // Bloomberg. – 01.04.2021.

³⁰ Другие развитые страны также активно продвигают пограничное углеродное регулирование, в том числе в США в 2021 г. опубликован законопроект “Fair Transition and Competition АСТ”, предполагающий введение углеродного сбора на импортируемые цемент, алюминий, железо и сталь, природный газ, нефть и уголь.

Fair Transition and Competition Act [Electronic resource] // United States Congress. – 19.07.2021 URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/117/hr4534/text> (date of application 17.01.2022).

³¹ Жуков С.В. Глобальный энергетический переход: экономические аспекты. Выступление на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН // ОГПМО РАН. – 15.04.2021.

³² World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work – Geneva: ILO, 2021. – P. 19.

³³ Ibid, p. 46.

³⁴ Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. коллектив: О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – С. 52.

³⁵ Лисоволик Я.Д. От корпораций до международного управления: появление «экономики платформ» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 25.09.2020 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ot-korporatsiy-do-mezhdunarodnogo-upravleniya-poyavlenie-ekonomiki-platform/> (дата обращения 17.01.2022).

³⁶ Миловидов В.Д. Финансовые рынки в пост-нормальном мире. Тезисы выступления на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН // ОГПМО РАН. – 25.11.2021.

³⁷ EM-DAT, the International Disaster Database [Electronic resource] – CRED/UCLouvain, 2021 URL: <https://public.emdat.be> (date of application 17.01.2022).

³⁸ Ibid.

³⁹ World Trade Report 2021: Economic Resilience and Trade – Geneva: WTO, 2021. – PP. 6-7.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Барский К.М., Красильников С.Р., Михневич С.В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнерства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов // Международная жизнь. – 18.10.2021 @@ Barskij K.M., Krasil'nikov S.R., Mixnevich S.V. Prodvigaya iniciativu Bol'shogo Evrazijskogo partnerstva: sovpadenie interesov gosudarstv, biznesa i mezhdunarodny'x institutov // Mezhdunarodnaya zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32158> (дата обращения 17.01.2022).

Жуков С.В. Глобальный энергетический переход: экономические аспекты. Выступление на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН // ОГПМО РАН. @@ Zhukov S.V. Global'ny'j e'nergeticheskij perexod: e'konomicheskie aspekty'. Vy'stuplenie na obshhem sobranii Otdeleniya global'ny'x problem i mezhdunarodny'x otnoshenij RAN // OGPOMO RAN.– 15.04.2021.

Лисоволик Я.Д. От корпораций до международного управления: появление «экономики платформ» // Российский совет по международным делам. @@ Lisovolik Ya.D. Ot korporacij do mezhdunarodnogo upravleniya: pojavlenie «e'konomiki platform» // Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam – 25.09.2020 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ot-korporatsiy-do-mezhdunarodnogo-upravleniya-poyavlenie-ekonomiki-platform/> (дата обращения 17.01.2022).

Миловидов В.Д. Финансовые рынки в пост-нормальном мире. Тезисы выступления на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН // ОГПМО РАН. @@ Milovidov V.D. Finansovy'e ry'nki v post-normal'nom mire. Tezisy' vy'stupleniya na obshhem sobranii Otdeleniya global'ny'x problem i mezhdunarodny'x otnoshenij RAN // OGPOMO RAN – 25.11.2021.

Обзор морского транспорта, 2021 г. (общий обзор) – Женева: ЮНКТАД, 2021. – 27 с. @@ Obzor morskogo transporta, 2021 g. (obshhij obzor) – Zheneva: YuNKTAД, 2021. – 27 s.

Петров Г. Россию готовят к вечным санкциям Запада // Независимая газета. @@ Petrov G. Rossiyu gotovyat k vechny'm sankciyam Zapada // Nezavisimaya gazeta– 07.06.2021.

Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. коллектив: О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 77 с. @@ Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie / Avt. kolektiv: O.V. Sinyavskaya, S.S. Biryukova, A.P. Aptekar', E.S. Gorvat, N.B. Grishhenko, T.B. Gudkova, D.E. Kareva; Nacional'ny'j issledovatel'skij universitet «Vy'sshaya shkola e'konomiki», Institut social'noj politiki. – М.: NIU VShE', 2021. – 77 s.

Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021 / Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2021. – 24 с. @@ Timofeev I.N. Sankcii protiv Rossii: vzglyad v 2021 g.: doklad 65/2021 / Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam. – М.: NP RSMD, 2021. – 24 s.

Anti-Dumping Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).

Anti-Dumping Initiations by Reporting Member [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByRepMem.pdf (date of application 17.01.2022).

Bullard N. The EU's Carbon Market Is About to Enter Its Turbulent 20s // Bloomberg. – 01.04.2021.

Commodity Markets Outlook, October 2021, Data Supplement, Forecasts [Electronic resource] – The World Bank, 2022 URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36350/CMO-October-2021-data-supplement.zip> (date of application 17.01.2022).

Countervailing Initiations by Exporter [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/CV_InitiationsByExp.pdf (date of application 17.01.2022).

Countervailing Initiations by Reporting Member [Electronic resource] – WTO, 2022 URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/CV_InitiationsByRepMem.pdf (date of application 17.01.2022).

Daniels Br., Lund S., Malik Y., Shao E. CEO Dialogue: Perspectives on Reimagining Industrial Supply Chains [Electronic resource] // McKinsey & Company. – 20.01.2021 URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/ceo-dialogue-perspectives-on-reimagining-industrial-supply-chains> (date of application 17.01.2022).

Economic Forecasts [Electronic resource] – European Commission, 2022 URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-performance-and-forecasts/economic-forecasts_en (date of application 17.01.2022).

Economic Outlook No 109 – October 2021 – Long-Term Baseline Projections [Electronic resource] – OECD, 2022 URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EO109_LTB (date of application 17.01.2022).

EM-DAT, the International Disaster Database [Electronic resource] – CRED/UCLouvain, 2021 URL: <https://public.emdat.be> (date of application 17.01.2022).

Fair Transition and Competition Act [Electronic resource] // United States Congress. – 19.07.2021 URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/117/hr4534/text> (date of application 17.01.2022).

Global Value Chain Development Report 2021: Beyond Production – Geneva: WTO, 2021. – 212 p. + xxxii p.

Indonesia May Stop Tin Exports in 2024, President Says // Reuters. – 24.11.2021.

Joint Statement by the Trade Ministers of the United States, Japan, and the European Union [Electronic resource] // European Commission. – 17.11.2021 URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2319> (date of application 17.01.2022).

OECD Economic Outlook [Electronic resource] – OECD, 2022 URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook_16097408 (date of application 17.01.2022).

Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism [Electronic resource] // European commission. – 14.07.2021 URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/carbon_border_adjustment_mechanism_0.pdf (date of application 17.01.2022).

Technical Barriers to Trade Agreement: 10 Key Results from 2020 – Geneva: WTO, 2021. – 12 p.

World Economic Outlook [Electronic resource] – IMF, 2022 URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (date of application 17.01.2022).

World Economic Outlook Database: October 2021 [Electronic resource] – IMF, 2022 URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (date of application 17.01.2022).

World Economic Outlook, October 2021: Recovery during a Pandemic – Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures – Washington, DC: IMF, 2021. – 152 p. + xvi p.

World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work – Geneva: ILO, 2021. – 282 p.

World Trade Report 2021: Economic Resilience and Trade – Geneva: WTO, 2021. – 208 p.

World Trade Statistical Review 2021 – Geneva: WTO, 2021. – 134 p.

